

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

ТЕАТР ИДЕТ К ЗРИТЕЛЮ

С ЧЕГО же начать свой рассказ о людях этого театра? С раздумий о признании актера, живущего небожителей, стальной жизнью? С того, как он бесцеремонно вторгается во внутренний мир литературного героя, одухотворяя его образ, наследуя его мысли, привычки и даже характер? Или с тех неизбежных трудностей и первых радостей, что сопутствуют рождению и становлению любого нового творческого коллектива? С чего же начать свой рассказ?..

А может быть, со спидометра? Да, да, обыкновенного автомобильного спидометра, что неуклонно, километр за километром, отсчитывает пройденный машиной путь. Ведь это в самом деле любопытно: если сложить все цифры, показанные на спидометре двух театральные автобусов, получится, что их пассажиры за последние пять лет совершили, по крайней мере, с десятком кругосветных путешествий.

— Что, не верится? — улыбается Левинин, директор театра г. Советска. — Но это действительно так, вот взгляните сюда. — Он поднимает из-за стола и подкладывает карту области, сплошь исчерченной красивыми чернильными линиями.

Лучшего путевого листа не придумать — не правда ли? Здесь все наши маршруты указаны, смотрите...

Смотрю на карту и виню, как бегут кругом нити из поселка в поселок, из района в район, образуя замкнутую спираль. — Вас, может быть, интересует еще вопрос? Наш театр побывал почти в ста колхозных и совхозных клубах, мы даже свыше тысячи спектаклей на сцене, на которых побывало почти 500 тысяч зрителей. Вот и сегодня мы собираемся в Залесье, не хотите поехать с нами?

Через несколько часов маленький и изрядно позиционный театральный автобус бежал в сторону поселка Залесье. Было уже поздно, и шумный движимый вечер прильнул в оба окна машины. Может быть, эта запись в путевом дневнике, и в общности поездки, делами молчаливыми пассажирами. Кажется, за все путь никто из них не проронил ни слова.

Клуб. Афиша у входа. Просторный зал. Илюди. Они достают записки зал и без конца аплодируют тому, что происходит на сцене. Выходит сцена просто и без продолжения — для зрительного зала. Ведь, в самом деле, сейчас зритель и актер ничто не разделяет — ни записки, ни пыльность декораций, ни время событий, о которых повествует спектакль. «Намем на дороге» — это рассказ о наших буднях, о наших людях, о том, что могло произойти и в подмосковном, и в сибирском, и в нашем районном городке. И герои пьесы — разве они не похожи на тех, кто пришел сегодня посмотреть спектакль, разве не роднит их общность интересов и светлых дум. А разве барышник Федор Степанович — придуманный персонаж? Разве такие окошколохозные людишки, погрязшие в личном эгоизме, не встречаются еще в жизни?

Вы бы посмотрели, что происходило в клубе после спектакля. Здесь никто не предпринимает устраивать конференцию зрителей, никто не готовил ораторов. Но люди говорили. Нет, они не выжили в глубинах спланированного мастерства (хотя и наследия прошлых лет), они говорили о той жизненной правде спектакля, что породила в их сердцах бурю новых чувств.

Когда взволнован зал, когда здесь нет равнодушных, тогда обычно актеры проламывают констатацию: «Спектакль дошел до зрителей». В данном случае реакция зрителей была прямо объективной: пьеса «Намем на дороге» не замысловата по сюжету, пропозанная тонким юмором, она хорошо смотрится и воспринимается. Ну, а как быть с Чеховым и Шиллером, Островским и Кальдероном, Толстым и Бальзаком, Филлипо? Будет ли их драматургия доступна широкому кругу зрителей, дойдет ли авторская мысль и идея до людей, не искусственных в искусстве? По этому поводу в театре не однажды возникли оживленные дискуссии. Находясь люди, категорически утверждавшие: «Классику не поймет колхозник, ему бы что-нибудь попроще... И, обобщая свои доводы, говорили: «Помните, что произошло в «Рассвете»».

В колхозе «Рассвет» когда-то действительно произошло прямо-таки легендарный случай. Приехали сюда актеры показывать «Иванда Марью» и увидят на красной типографской афише приписку от руки: «Участуют 12 артистов». Как выяснилось, заведующий клубом сделал это для того, чтобы «люди не подумали будто в спектакле заняты лишь два актера».

Что ж, стало быть, еще одним скептиком на сцене оказалось болельщик. Но их убеждения опровергла жизнь. Оноясилось, что колхозный зритель без труда воспринимает и сложные психологические драмы Толстого и пронзительные тонким юмором комедии Нальсера. Милые десятки раз театр ствоял на сцене и чеховского «Дядю Ваню» и шиллеровскую драму «Юварство и любовь», и голосевскую «Женитьбу», и все равно залы на эти спектакли продолжают поступать из колхозов и совхозов.

Часто обращается и классике, пропаяндуря шельеры мировой драматургии, колхозные театры, оз-

нако, не мог не помнить об основном своем призвании — искусством служить народу, воспитывать коммунистическое сознание в людях, прививая их и активным деятелям. Тема современности, оная трудных будней советских людей, их светлых помыслов и благородных устремлений и, вместе с тем, разоблачение всего чудного нашему духу — вот что делало в основу репаратурной политики театра. Воспева солидистский подлинник в «Кресты над Бугом» Смирнова, слава советскому патриотизму в «Сильных духом» Медведева и Гребнева, подчеркивая силу общественного влияния на поступки человека в пьесе Назарова «Незаметный», отстаивая высокие принципы коммунистической морали в спектакле «Верю в тебя» Коростелева, рассказывая о людях новых деревень в драме Юрьевича «Над Днепром», о их непримиримой борьбе с пережитками прошлого, театр тем самым обращается к нашей действительности, к самой жизни. А жизнь — это мудрый учитель.

НА ЭТОЙ неделе драматический театр г. Советска уехал на гастроли в Закарпатье. Едва ли не сутки он погружал в вагоны свое имущество — декорации, бутафоры, лички с плакатами. А потом на перрон вокзала пришли подорожному одетые актеры, режиссеры, художники, costumiers, машинисты сцены, осветители. Настоящий большой театральный коллектив.

А ведь многие помнят этот театр живым, помнят сложными дни его становления, его творческие удачные дни, прочеты и снова удачи. Не сразу, не вдруг он прочно встал на ноги, окреп. Не просто было создать, сплести, сдружить его коллектив. Сюда поначалу легко приходили без сожаления уходили молодые люди, и любители почетной жизни, были и неудачники, были и таме, что давно уже растеряли свои дарования. Но были и подлинны мастера сцены, которых являли в новый театр немеркательные побуждения, а актерское призвание. Такие оставались в Советске, Валентина Яковлева Солгавская, Хана Лаопольдовна Варшавская, Капитолина Алексеевна Ивановна, Евгения Сергеевна Белоговельская, Михаил Владиславович Ковалевский, Александр Цалиевич Бродский — да разве перечислишь всех тех, кто жизнь свою посвятил искусству, кто поназал на сцене подлинную радость вдохновения, кто труд свой и свое опытные артисты помнят, и что и Светлана Журалева и Геннадий Колосов, и Роман Гершгорин, и Мария Буранно все далеко от профессионального актерского мастерства. Но сколько заветности, юного задора, искренности, стремления постигнуть тайны сценического искусства принесли они с собой в театр!

Всех их — и актеров старшего поколения и молодежи — ничто не пугало и не тревожило. Ни бесконечные, порою далеко за полуденные поездки по деревенским трясучим дорогам, ни житейские трудности, ни примитивность сценических площадок в сельских клубах. И пусть им приходится работать в непривычных для теат-

ра условиях — в студенческой комнате или на улице под открытым небом, — все равно они играют в полную силу своего таланта. Ведь кто бы ни был их зритель, — он должен поверить в достоверность того, что происходит на сцене, поверить в искренность актера, живущего жизнью своего героя.

СОТНИ раз уходили театральные автобусы в свои обычные рейсы. Уходили туда, где их ожидали полевые и механизаторы, рыбаки и животноводы. И в театре не произошло такого случая, когда бы автобусы сдвинули холостой прогон. Этот театр своих спектаклей не отменяет. Если актер играть очень трудно, даже если прогон невозможна — они играют. Ну вот так, как это было в колхозе имени Калинина...

Они приехали сюда в морозный декабрьский вечер и увидели — в клубе сидят люди, укутанные в полушубки и шапки-ушанки. В давно потеплевшем клубе застыла в стакане вода, а актрисы выходили на сцену в декоративных платьях, сложившихся от жары, обдуваемых ветрами. Что же поведает, если автор «Власти тьмы» требовал этого...

А в туеском колхозе «Рассвет» вы знаете, что было? Здесь столько изданных плакатов, подостреть личный спектакль, что даже втроем в просторном клуб их не смог бы вместить. И тогда кто-то поддал мысль: неподдадутся эти амбар, эт бы там и сыграть пьесу. И не беда, что амбар этот актерам и артистам пришлось очистить от гор мильдерных удобрений, не беда, что актерам так и не довелось в эту ночь поспать домой, — зато с нами подьемом прошел этот спектакль! Небольшая часть зрительного зала, а то и полный помост, а то и просто заленная лужайка — вот что нередко служит сценой для Советского театра. Но примитивность сцены никогда не влечет за собой неуловности ни в постановке, ни в оформлении спектакля. Не промоздание, но столь же искусно, как и в стационаре театра, выпитые декорации, необходимая бутафоры, костюмы, рамы и даже минимативный сценический круг — все это непременно соответствует артистам в их бесконечных поездках по нашим городам и селам.

Впрочем, почему только по имени? Ведь театр г. Советска давно уже шагнул за порог Калининградской области. Его теперь хорошо знают и в Белоруссии, и в Литве, и в Латвии. А сегодня... Сегодня наши друзья из Советского театра открывают свои гастроли в Ужгороде.

И мы знаем, Закарпатье их встретит тепло и радушно.

М. МАРКШЕВ.